

Содержание

Введение	7
Благодарности	46
<i>Часть 1. Жанр, субъектность, когнитивная нарратология: теоретические пролегомены</i>	
Глава 1. Жанровая критика и соблазны модерности: пастораль, идиллия, антиидиллия	52
Глава 2. Политика и эстетика: от крестьянской субъектности к субъективности	90
Глава 3. Новая нарратологическая модель крестьянской субъективности	108
<i>Часть 2. Крестьянская субъективность как нарративная и эстетическая проблема: каноничные тексты</i>	
Глава 4. «Неведомый мир»: проблема репрезентации крестьянской жизни в критике и эстетике 1840–1850-х гг.	125
Глава 5. Непрозрачное мышление и молчание крестьянки в «Деревне» Д.В. Григоровича (1846)	160
Глава 6. Немецкий философский язык и французский пантеизм в «Записках охотника» И.С. Тургенева (1847–1851)	184
Глава 7. Крестьянский характер как «литературный обман»: «Леший» А.Ф. Писемского (1853)	208
<i>Часть 3. Рассказ из крестьянского быта как жанр: сюжетика, поэтика, контекст</i>	
Глава 8. Протагонисты и сюжетные модели: от любви к насилию	223
Глава 9. Этнографизм жанра в контексте имперской этнографии 1840–1850-х гг.	244
Глава 10. Крестьянские голоса и речь	257
Глава 11. Крестьянское мышление: от прозрачности к непрозрачности и обратно	275

Часть 4. Социокультурные функции и политическое бессознательное жанра

Глава 12. Дьявольское искушение извозчика: генеалогия и социология популярного простонародного сюжета	308
Глава 13. Конструирование крестьянских субъектов в прозе для народного чтения	328
Глава 14. Национализация патриотизма в литературе эпохи Крымской войны: повседневный национализм и образы крестьян	354
Глава 15. Загадка русского мужика: идеальный или жуткий Другой?	391
Глава 16. Мелодрама и насилие: социальное воображаемое в украинских и русских «народных рассказах» (Григорий Квитка и Марко Вовчок)	422
Вместо заключения: три экскурса в другие жанры	456
1. Поэзия: «Коробейники» Н.А. Некрасова и сюжет о дьявольском искушении	456
2. Драма: патриархальные ритуалы, эмансипационная этика и исторические аллюзии в «Горькой судьбине» А.Ф. Писемского	473
3. Роман: первый роман о крестьянах и его социальное воображаемое («Рыбаки» Д.В. Григоровича)	502
Приложение. Библиография прозаических произведений из крестьянского быта (1772–1861)	514
Библиография	527
Указатель имен	550

Введение

Замысел книги возник в 2011 г., когда я фронтально пролистывал толстые журналы 1850-х гг. и обнаружил на их страницах напряженную критическую полемику о том, возможно ли адекватно изобразить быт и мышление крестьян привычными литературными средствами. Если критики ведут столь жаркую дискуссию, значит, ищи проблему. Тогда-то у меня и родилась идея выяснить, а когда, собственно, в русской литературе и критике сформировалось некое консенсусное представление о «русском мужике», когда он стал протагонистом, а не слугой. С самого начала мне хотелось соединить подходы «нового историзма» с более традиционными методами историко-литературной реконструкции и достижениями нарратологии. Однако все оказалось не так просто.

Канон и архив

На протяжении десяти лет работы план и основной фокус книги неоднократно менялись. Главным препятствием было разнообразие и обилие материала, позволяющего ставить множество различных исследовательских вопросов и выдвигать на первый план разные проблемы. В самом деле, все десять лет я кропотливо собирал библиографию и корпус текстов, созданных о крестьянах на русском языке на территории Российской империи с 1770-х по 1861 г. В приложении читатель увидит список из 230 произведений, однако на самом деле к ним следует присовокупить романы и драматические тексты. Если же прибавить еще и повести, романы и драмы, где крестьяне фигурируют в качестве второстепенных, эпизодических персонажей, рискну предположить, что общее число увеличилось бы

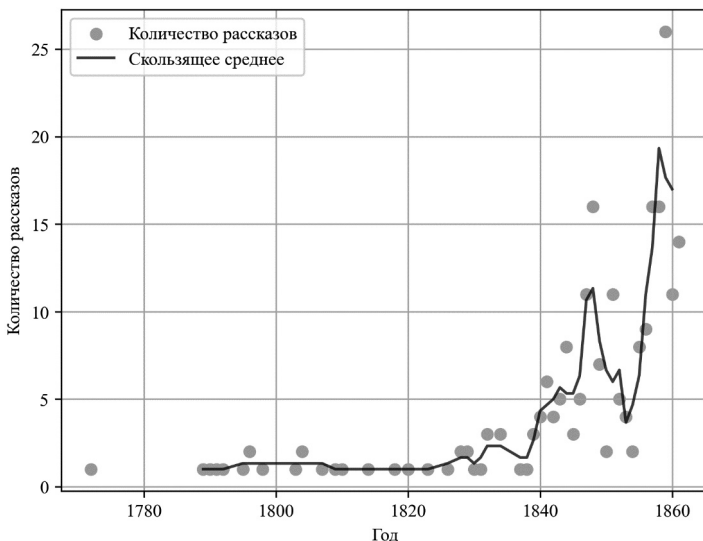

Рис. 1. Количество новых рассказов о крестьянах по годам (1772–1861)

до 500. Одному человеку вряд ли под силу охватить такой объем, да и, собственно, для репрезентативного исследования хватило бы и ключевых текстов. Несмотря на это, я принял решение сразу же разграничить две пересекающиеся, но не идентичные темы — «крестьяне в русской литературе до 1861 г.» и «крестьяне как протагонисты в литературе до 1861 г.». Сужение круга произведений, возможно, раздосадует некоторых читателей: да, здесь вы не найдете разбора функции Савельича, Захара, Петрушки или няни Татьяны Лариной¹. Это было бы слишком интуитивно. Проблема и соответствующие ей задачи моего исследования все-таки иные, но их ценность и вклад в науку, надеюсь, не меньше.

Ограничив материал лишь такими произведениями, где крестьяне выступают протагонистами, я сосредоточился на прозе, причем короткой (физиологических очерках, рассказах и повестях). Драматический род и поэзию я оставил

1. В отличие от русского материала, для английской литературы подобное исследование имеется: *Robbins B. The Servant's Hand: English Fiction from below*. Durham, NC; London, 1993.

в стороне (хотя в разделе «Вместо заключения» представлен анализ некрасовской поэмы «Коробейники» и народной драмы А. Ф. Писемского «Горькая судьбина») по нескольким причинам. Прежде всего, быстро стало ясно, что поэтический язык и драматическая репрезентация с точки зрения нарратологии функционируют совершенно по иным законам и требуют иного теоретического аппарата. Во-вторых, поиск во всех журналах, газетах и альманахах стихотворений, чьи герои — крестьяне, по моим представлениям, длился бы несколько десятилетий, что вынудило меня отказаться от этой затеи. Строить же исследование лишь на канонических стихотворениях Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова и И. С. Никитина было бы заманчиво, но крайне рискованно¹.

Что касается жанра романа, то до 1861 г. по-настоящему крестьянских романов в России вышло всего четыре — «Рыбаки» и «Переселенцы» Д. В. Григоровича, «Крестьянка» А. А. Потехина и «Беглянка» С. Т. Славутинского. В мои планы входит посвятить изучению этого поджанра отдельное исследование, однако в последней части («Вместо заключения») я все же кратко проанализировал «Рыбаков» в свете ключевых проблем этой книги.

Итак, короткая проза о крестьянах. Я называю ее здесь «рассказами из крестьянского быта», что является собирательным жанровым подзаглавием дюжины ярких и забытых образцов этого вида журнальной и книжной продукции 1840–1850-х гг. Зародившись в 1770-е гг. в виде сентиментальной пасторали и идиллии, жанр прошел полувековой путь, видоизменяясь, и достиг апогея, в том числе количественного, в середине XIX в. (как видно на рис. 1), когда в год могло появляться от 12 до 18 новых произведений, протagonистами которых выступали крестьяне.

1. В последние годы вышло несколько значимых исследований, которые задают новый методологический вектор изучению репрезентации крестьян в поэзии: *Успенский П. Ф., Федотов А. С.* Изобретение социальной поэзии: от пения цыганок к «Тройке» Некрасова // Складчина. Сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева. М., 2019. С. 214–242; *Флаэрти Дж.* Новый человек и народ: лирический голос и поэтическое народовластие у Н. А. Некрасова // Русская литература. 2021. № 4. С. 52–64.

Учитывая, что пик моды на жанр пришелся на канун освобождения крестьян, я планировал выстроить книгу вокруг исследования базовых сюжетных моделей этих произведений по классификации элементарных сюжетов Т.А. Китаниной¹. Модели определяются на основании исходной ситуации, которая в фабуле произведения приводит в действие ключевой конфликт между антагонистами. Таким «триггером», по наблюдениям Китаниной, чаще всего становились ситуации разлуки возлюбленных (модель «Разлука»), соперничество мужчин за руку героини (модель «Соперники»), запрет на брак молодых людей со стороны отца девушки («Запрет на брак»), «Испытание» и др. Собранный мной обширный корпус произведений о крестьянах позволил идентифицировать еще несколько моделей — например, «Искушение» и «Насилие», о которых пойдет речь в отдельных главах и которые составили особую большую группу сюжетов социальной этической проблематики (в противовес любовно-семейной, к которой относятся такие модели, как «Запрет на брак» или «Разлука»). Результаты многолетней работы представлены в приложении, где в библиографию встроены индексы элементарных сюжетов, которые могут быть использованы в исследованиях различного типа (от интертекстуальных до социологических).

Однако я очень быстро убедился, что классификация и систематизация — лишь отправной пункт исследования, потому что сама по себе сюжетная типология не объясняет широкой популярности текстов с небольшим репертуаром одних и тех же моделей. Напрашивался следующий интерпретационный шаг. Резонно было предположить, что за каждым типом «элементарного сюжета» стоит соотнесенное с ним представление о функционировании локального крестьянского сообщества в его взаимодействии

1. См.: Китанина Т.А. Материалы к указателю сюжетов предпушкинской прозы // Пушкин и его современники: Сборник научных трудов / Под ред. Е.О. Ларионовой. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 525–610. В свою очередь, Китанина опирается на методологию фольклористов (в частности, на понятие «элементарного сюжета» Б. Кербели-те), адаптируя ее к поэтике короткой прозы начала XIX в.

с обществом, о связях между его членами, между крестьянами и помещиками и крестьянами на горизонтальном уровне и, наконец, определенное представление о субъекте поступков, его нравственности и ценностях. Соответственно, если какие-то элементарные сюжеты будут преобладать количественно, это может однозначно указывать на то, что авторы текстов транслируют или даже навязывают читателям (неважно, сознательно или нет) определенные представления о социальных связях.

Здесь на моем пути возникла развилка. У меня появилась идея превратить 230 текстов в электронный размеченный корпус, на базе которого можно ставить и решать различные исследовательские задачи, включая изучение «социального воображаемого» (понятие заимствовано литературоведами из социологии и философии — у К. Касториадиса и Ч. Тэйлора)¹. Создание такого корпуса, с одной стороны, позволило бы сравнивать рассказы о крестьянах с текстами других жанров (светской повестью, психологическим романом, физиологическим очерком, причем на разных языках, и пр.). С другой стороны, можно было бы поставить неожиданные вопросы с целью выяснить, что именно в стиле или нарративной структуре рассказов из крестьянского быта обеспечивало их успех и выживаемость в русской культурной памяти и при этом не было связано (или было неочевидно связано) с политическим контекстом крестьянской реформы в 1840-е гг. (реформы графа Киселева), а с 1856 г. — обсуждения ее непосредственной подготовки. Как и в других жанрах, лишь около 10–15% — около 20–30 текстов 1790–1850-х гг. из 230 — обладает более-менее каноническим статусом в русской культуре, т.е. были переизданы в XX в. (возьмем простейший критерий). Это «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина, «Мешок с золотом» Н.А. Полевого, пара рассказов М.П. Погодина и Ф.В. Булгарина, повести Н.В. Гоголя, «Именины» Н.Ф. Павлова, «Сорока-воровка» А.И. Герцена, рассказы и повести

1. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества / Пер. с фр. Г. Волковой и С. Оферстата. М., 2003. С. 70; *Taylor Ch.* Modern Social Imaginaries. Durham, NC, 2004. P. 23–24.

Д.В. Григоровича, «Записки охотника», «Постоялый двор» и «Муму» И.С. Тургенева, «Утро помещика» Л.Н. Толстого, два-три рассказа М.Е. Салтыкова-Щедрина (вошедшие в «Губернские очерки»), три рассказа А.Ф. Писемского, одна-две повести М.Л. Михайлова, несколько рассказов Н.В. Успенского и А.И. Левитова, а также несколько произведений двуязычных авторов, входящих сегодня в канон украинской литературы, — Г.Ф. Квитки-Основьяненко, Е.П. Гребенки и Марко Вовчок. Это нормальная выживаемость — не меньше и не больше, чем в других жанрах. Из 71 автора (не считая пары анонимов) в моей библиографии, таким образом, лишь 18 авторов (т.е. 25%) опознаваемы в истории литературы, в том числе и как создатели рассказов о крестьянах.

Полноценный корпус создать пока не удалось — это дело будущего; как напоминает Ф. Моретти, логичным продолжением исследования было бы переключение внимания на объекты большие или меньшие, чем стандартная антропологическая шкала восприятия, т.е. на формальные паттерны (приемы), жанры, корреляции¹. Так установился окончательный объект изучения в этой книге — проверка гипотезы, можно ли считать рассказ из крестьянского быта более-менее автономным жанром в корреляции с другими жанровыми модусами, и если да, то каковы его социокультурные функции. Для этого требовалось доказать, что в подавляющем большинстве образцов есть приемы, которые окажутся жанровыми маркерами крестьянской темы в литературе. Как я показываю на страницах книги, жанровыми детерминантами рассказа из крестьянского быта до 1861 г. были четыре формальных приема: 1) непереносимое наличие протагониста/протагонистки из крестьян, 2) этнографизм текста, 3) имитация крестьянской речи или голоса, 4) воспроизведение крестьянского мышления (сознания) в аукториальном типе повествования. Они лучше всего видны, конечно же, в наиболее каноничных образцах жанра — у Григоровича, Тургенева и Писемского. Как хорошо известно из историографии

1. *Моретти Ф.* Дальнее чтение / Пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука и А. Шели. М., 2016. С. 329–330.

крестьянской темы, именно им принадлежит заслуга качественного прорыва в изображении крестьян. В науке считается, что его суть заключается прежде всего в гуманизации изображения крестьян как полноценных личностей, с присущим им особым внутренним миром, эмоционально равноценным дворянскому, хотя и немного уступающим интеллектуально.

Мое исследование, однако, показало, что такое представление — часть богатой культурной мифологии Великих реформ, в эпоху которых эти представления и сложились в тогдашней критике. На самом деле, как я демонстрирую далее, процесс гуманизации и субъективизации крестьян в прозе шел сложнее и привел к их экзотизации (*othering*), т.е. признанию инаковости, в отличие от всех Других, и почти полной *непрозрачности их мышления и сознания*, т.е. невозможности нарратора свободно передать внутренний мир таких персонажей в тексте. Это и было той формальной инновацией, которая определила колоссальную популярность рассказов о крестьянах и в одночасье сделала Григоровича, Тургенева и Писемского знаменитыми. Непрозрачность стала не только необходимым формальным приемом, но и эпистемологической матрицей, помогавшей осмыслять то, для чего катастрофически не хватало эмпирических данных.

Литература Российской империи одновременно с другими видами искусства создала публичные и массовые образы субъектов-крестьян (если говорить о реалистическом модусе — раньше живописи)¹. Огромная роль словесности в освоении ранее не осмысленной области вынуждает объяснить, почему жанр рассказа из крестьянского быта стал

1. О визуальных образах крестьян в этнографии и картинках времен войны 1812 г. см.: Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. О крестьянах в русской живописи см.: Головин В.В. Мир русского крестьянина и его изображение в искусстве // Крестьянский мир в русском искусстве. СПб., 2005. С. 15–24; Круглов В. Крестьянство в русской живописи // Там же. С. 35–50; Цай Ши-Вэнь. Крестьянская тема в русском изобразительном искусстве XVIII — первой половины XIX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2007. № 6. С. 203–205.

одним из самых популярных прозаических жанров середины XIX столетия и почти все без исключения крупные русские писатели, кроме Ф.М. Достоевского¹ и И.А. Гончарова, отдали ему щедрую дань.

Историография, методы и подходы

Мое исследование не было бы возможно без опоры на несколько больших международных направлений, связанных с изучением крестьянства и его репрезентации в литературе и культуре.

Как уже упоминалось, первыми диагностировали проблему в изображении крестьян критики П.В. Анненков, С.С. Дудышкин, А.В. Дружинин, П.Н. Ткачев, А.М. Скабичевский и др. В их статьях можно найти истоки бесконечных современных дискуссий вокруг мифологемы «русского народа», его «особого пути» (*Sonderweg*), противостояния просвещенного либерального меньшинства и манипулируемого государственной пропагандой молчаливого большинства. Вторая половина XIX в., таким образом, является колыбелью ключевых понятий, конструктов и мифов, которые до сих пор оказывают серьезное влияние на идеологический ландшафт современной России. Тем не менее противоречие между интеллигенцией и простонародьем, страх перед народом и одновременно опора на него (т.е. *народничество*) — глобальное явление, актуальное и для европейских культур, как показал Т. Шанин, а вслед за ним и другие². Неудивительно, что литература, в особенности русская, сыграла ключевую роль в формировании многочисленных мифов о странных и запутанных отношениях простого народа с культурной и политической элитой. Это тем более верно для России XIX в., где литература, как известно, выполняла функцию подавленных политических дискурсов и представительства.

1. За исключением позднего рассказа «Мужик Марей» из «Дневника писателя» (1876).
2. *Shanin T. Peasants and Peasant Societies. London, 1971; Brass T. Peasants, Populism, and Postmodernism. The Return of the Agrarian Myth. London, 2000.*